

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

УДК 94(55) | 19 | 930+929 Хомейни

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.1>

А. В. Баранов

АЯТОЛЛА ХОМЕЙНИ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ШИИТСКИХ УЛЕМОВ В АНТИШАХСКОМ ДВИЖЕНИИ В ИРАНЕ

В статье анализируется эволюция политических взглядов аятоллы Хомейни на предлагаемые шахскими властями реформы, ставшие известными как «Белая революция». Объявленные шахом реформы раскололи улемов и страну на сторонников и противников шахских инициатив.

На основе изучения источников, в первую очередь таких, как сборники трудов самого аятоллы Хомейни – «Каутар» и «Сахифе-йе имам», прослеживается динамика изменения подхода Хомейни к шахским инициативам, их критика, и радикализация под воздействием конфронтационной позиции властей Ирана, связанной с проведением референдума в январе 1963 г.

В статье делается попытка откорректировать устоявшийся подход в отечественной историографии о консерватизме шиитских улемов и взглядов Хомейни в таком дискуссионном вопросе как права женщин в Иране, на чем делается особый упор противников Хомейни. Однако, после анализа выступлений и заявлений аятоллы, в ходе его дискуссии с властями страны, Хомейни делает главный упор на незаконности и неконституционности шахских реформ.

Не достигнув компромисса с властями, которые прибегли к силовым мерам и преследованиям оппонентов, Хомейни, взывая к религиозной памяти шиитской традиции священного месяца мухаррама и культа имама Хоссейна ибн Али, призвал к восстанию и свержению шахской власти в Иране. Провал мирного протеста привел к радикализации оппозиции, что и вылилось в кровавые события 4–5 июня 1963 г. Последовавший арест, а затем и высылка аятоллы Хомейни в ноябре 1964 г. из страны сделали его убежденным противником монархии, лидером радикальных шиитских улемов и сторонником построения в Иране Исламской республики.

Ключевые слова: Иран, Хомейни, Мохаммад Реза Шах, Белая революция, ислам, улем, шиизм.

Для цитирования: Баранов А. В. Аятолла Хомейни и радикализация шиитских улемов в антишахском движении в Иране // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 367–373. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.1

Alexey V. Baranov

AYATOLLAH KHOMEINI AND THE RADICALIZATION OF SHIITE ULAMA IN THE ANTI-SHAH MOVEMENT IN IRAN

The article analyzes the evolution of Ayatollah Khomeini's political views on the reforms proposed by the Shah's authorities, which became known as the «White Revolution». The reforms announced by the Shah split Ulama and the country into supporters and opponents of the Shah's initiatives. Based on the study of sources, first of all, such as the collections of the works of Ayatollah Khomeini himself – «Kawthar» and «Sahifeh-ye Imam», the dynamics of Khomeini's approach to the Shah's initiatives, their criticism, and radicalization under the influence of the confrontational position of the Iranian authorities associated with the referendum in January 1963 are traced.

The article attempts to correct the well-established approach in Russian historiography about the conservatism of Shiite Ulama and Khomeini's views on such a controversial issue as women's rights in Iran, which is emphasized by Khomeini's opponents. However, after analyzing the Ayatollah's speeches and statements, during his discussion with the country's authorities, Khomeini focuses on the illegality and unconstitutionality of the Shah's reforms.

Having failed to reach a compromise with the authorities, who resorted to forceful measures and the persecution of opponents, Khomeini, appealing to the religious memory of the Shiite tradition of the holy month of Muharram and the cult of Imam Hossein ibn Ali, called for an uprising and the overthrow of the Shah's power in Iran. The failure of the peaceful protest led to the radicalization of the opposition, which resulted in the bloody events of June 4-5, 1963. The subsequent arrest, and then the expulsion of Ayatollah Khomeini in November 1964 from the country, made him a staunch opponent of the monarchy, the leader of radical Shiite ulama and a supporter of building in Iran of the Islamic Republic.

Key words: Iran, Khomeini, Mohammad Reza Shah, White Revolution, Islam, Ulama, Shiism

For citation: Baranov A. V. Ayatollah Khomeini and the radicalization of Shiite ulama in the anti-shah movement in Iran // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 367–373. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.1

9 января 1963 г. шахиншах Мохаммад Реза Шах анонсировал свое решение вынести 26 января на всенародный референдум вопрос ратификации пакета реформ, получивших название «Белой революции» (энгеляб-е сефид). Пакет включал в себя шесть пунктов: 1) земельная реформа; 2) приватизация госпредприятий; 3) новый избирательный закон, включающий право голоса для женщин; 4) национализация лесов; 5) создание корпуса просвещения; 6) план по передаче рабочим акций промпредприятий [10, p. 145].

С точки зрения шаха, реализация реформ на практике должна была превратить Иран в европеизированную, современную, по меркам западного мира, страну, которая будет опираться на богатейшую культуру доисламского периода своей истории [15]. Естественно, что данный глобальный проект по перестройке общества по «западным стандартам», так как не стоит забывать о значительном влиянии на разработку реформ американских советников, не мог восприниматься однозначно. В связи с особым статусом и влиянием шиитских священнослужителей – улемов, в жизни общества, именно они стали главными оппонентами предлагавшихся преобразований. Фактически 1963 г. стал для Ирана символическим «Рубиконом», перейдя который шах запустил процесс формирования антишахского движения, возглавленного в итоге именно улемами и приведшего к свержению монархии в феврале 1979 г. в ходе Исламской революции.

В отечественной историографии, как советской [2], так и российской [1], устоялась трактовка улемов как реакционной и консервативной силы иранского общества, «которое заставило Иран повернуть вспять и жить по средневековым мусульманским канонам» [1, с. 9]. В западной историографии не столь однозначно оценивается роль улемов и аятоллы Хомейни, в частности, в антишахском движении. Эрванд Абрахамян пишет о популизме Хомейни [3, p. 1]. Никки Кедди рассматривает деятельность Хомейни и улемов как политических борцов против империализма и неокOLONиализма в шахской политики [10, p. 192]. Ванесса Мартин выделяет, прежде всего, религиозные взгляды аятоллы Хомейни, которые двигали им на политической арене антимонархической борьбы [13, p. XI].

Однако ознакомление с источниками, в первую очередь с трудами самого имама Хомейни, такими как «Каутар» [11] и «Сахифи-йе имам» [12], дают возможность откорректировать данную точку зрения, и взглянуть на него как на исламского правоведа – факиха.

Политический дебют аятоллы Рухоллы Хомейни состоялся в 1962 г., и он, как оказалось, был удачным, продемонстрировавший появление на политической арене Ирана жесткого и бескомпромиссного политического деятеля. «Триггером»

стало обнаружение законопроекта для общественного обсуждения «Закона о выборах в провинциальные и районные советы» 8 октября 1962 г. В иранских медиа он был анонсирован под хлестким заголовком «Женщинам предоставлено право голоса» [11, p. 44], что, естественно, не могло пройти мимо шиитских улемов.

По инициативе аятоллы Хомейни, уже вечером, 8 октября, состоялась встреча ведущих аятолл города Кума, на которой присутствовали аятоллы Гольпаегани, Наджафи-Мараши, Шариамадари, Занджани, Дамад, Амоли и Хаири [11, p. 45]. В результате было принято решение о начале кампании протеста против законопроекта, что должно выражаться в отправке на имя шаха телеграмм, обращений и писем.

Следует обратить внимание, что приписываемая аятолле Хомейни крайне негативная позиция по предоставлению права голоса женщинам, на что в первую очередь обращалось внимание критиками, не вполне корректна. Если внимательно проанализировать данный вопрос, то согласно точке зрения Хомейни, предоставление данного права противоречит положениям конституции страны, о чем он и говорит в своем послании тогдашнему премьер-министру Асадолле Аламу, что статьи VII и IX «Закона о выборах в провинциальные и районные советы» противоречат статье II Дополнения к Конституции от 1907 г. Поэтому администрация Алама несет прямую ответственность, и должна предпринять «срочные меры для исправления этой ошибки, следуя установленным законам ислама и национальным законам, чтобы подобное не повторялось в будущем» [12, p. 75].

Аятолла Хомейни, консолидировав позицию ведущих улемов Кума, был уверен в полной поддержке законных требований к властям страны, которые предпринимает действия в нарушение существующего законодательства. Поэтому в своих обращениях к верующим, он призывает воздерживаться от массовых акций протеста, и тем более, от забастовок. Нет необходимости в таких акциях, народ и так в массовом порядке высказывает свое осуждение к действиям шаха и правительству [12, p. 77].

Правительство А. Алама, столкнувшись с массовым движением протеста, было вынуждено пойти на отзыв 29 ноября 1962 г. своего законопроекта по провинциальным выборам. Данный шаг, бесспорно рассматривался как победа протестного движения, во главе которого встал аятолла Хомейни. Но как оказалось, власти страны, отказавшись от принятия закона, которым предоставлялись право голоса женщинам и уравнивались права между представителями разных религий, вынесли данные вопросы на всенародный референдум 26 января 1963 г.

Фактически, объявив о намерении провести референдум, шах возвращал ситуацию в противостоянии с улемами в самое начало, заставляя

начинать все заново. Однако попытка аятоллы Хомейни вновь призвать ведущих улемов Кума к консолидированным действиям против референдума, не нашли поддержки. «Тройка» из аятолл ольозма Мохаммада Казема Шариатмадари, Шахаба ал-Дина Мараша-Наджафи, Мохаммада Реза Гольпазгани не хотела идти на новое обострение с шахом и властями, высказываясь за проведение переговоров, в которых следовало постараться переубедить шаха во вреде предлагаемого им референдума. Именно на этой встрече, по словам Багера Моина, Хомейни заявил, что арест, тюрьма, пытки и мученическая смерть – это есть праведный путь шахида. А на замечание Шариатмадари, что если мы зайдем так далеко, то власти просто пришлют полицию за нами, аятолла Хомейни возразил: «Я муджтахид, и это мой религиозный долг» [14, р. 83].

В качестве компромиссного выхода, который можно было рассматривать как уступку со стороны Хомейни, было принято решение обратиться к шаху, чтобы тот прислал своего представителя для разъяснения позиции властей. Однако визит главного министра двора Бехбуди в Кум не прояснил и не развеял опасений улемов. Последовал «ответный» визит представителя уже улемов в Тегеран – аятоллы Рухоллы Камальванда и его встреча с шахом. Как такового обмена мнениями не произошло, шах обрушился на шиитских улемов, обвинив их в отсутствии поддержки и не понимании исторической важности предлагаемых им реформ. Шахиншах Мохаммад Реза Шах призвал шиитских улемов «учиться у суннитского духовенства тому, как любить короля, ибо действительно последние молятся за своего суверенного короля каждый раз, когда они завершают выполнение религиозного обряда» [11, р. 82].

После неудачи с улемами Кума, аятолла Хомейни 22 января 1963 г. обращается напрямую к верующим, разъясняя необходимость скорейших действий. Аятолла объясняет, что не так с этим референдумом. Во-первых, «референдумы не предусмотрены иранскими законами» [12, р. 134]. Во-вторых, ни в каком законе не прописано, кто имеет право инициировать данный процесс. В-третьих, власти не выделили достаточно времени для широкого обсуждения в обществе плюсов и минусов предлагаемых реформ. В-четвертых, власти не обеспечили информацией широкие народные массы о сущности предлагаемых реформ, за которые народ и должен голосовать. В-пятых, кампания по организации референдума и само голосование должно проводиться «в свободной атмосфере, без давления, принуждения, угроз или запугивания, а это невозможно в Иране» [12, р. 135], уверен аятолла. Поэтому проведение референдума не соответствует конституционным нормам, а также противоречит положениям ислама. «Религиозные власти считают,

что Коран и религия находятся в опасности» [12, р. 136], заявляет Хомейни, и добавляет, что референдум призван стать прелюдией к дальнейшим шагам по устранению влияния ислама из жизни Ирана, а сам референдум есть ни что иное, как обман со стороны властей.

Призыв аятоллы Хомейни встать на защиту ислама и выступить против нарушения конституции, привел к первым акциям стихийного протеста, которые прошли 23–24 января в ряде городов страны, в частности, в Тегеране и Куме. Помимо традиционного закрытия базаров, состоялись и демонстрации, которые в столице привели к аресту их организаторов – аятолл Ахмада Хон-сари и Мохаммада Мусави Бехбехани. Показательно, что параллельно исламистам, на улицы столицы вышли и сторонники светского Национального Фронта (НФ) под лозунгом «Реформам – Да! Диктатуре – Нет!», которые также привели к массовым арестам их участников [14, р. 86]. В Куме акции протеста закончились столкновениями на улицах между таллабами (студентами семинарий) и переодетыми полицейскими. Утихомирить толпу смогли только выведенные на улицы солдаты гарнизона.

Аятолла Хомейни в своем послании по поводу беспорядков в Куме, выступил с обращением, в котором заявил, что попытки улемов мирно разрешить расхождения с властями, привели к прямым запугиваниям и агрессии против мирных граждан. «Кучка хулиганов вместе с правительственными агентами» нападает на беззащитных жителей Кума, таллабов и улемов, «бесчестия, избивая и арестовывая». Все эти ужасы происходят на фоне готовящегося референдума, «что подразумевает свободное голосование и присутствие свободного электората» [12, р. 141]. Единственное преступление, по словам Хомейни, которое совершают мусульмане и улемы – это то, что «они защищают Священный Коран, достоинство ислама и независимость нации» [12, р. 140].

В связи с массовыми протестами в Куме, центре шиитского богословия, шах решил 24 января лично посетить город и встретиться с улемами. Однако, когда об этом стало известно аятолле Хомейни, он призвал своих сторонников бойкотировать шахский визит. В итоге встречать шаха в Кум приехали крестьяне из окрестных деревень и специально доставленные из Тегерана люди. В самом городе магазины и школы на центральной улице, по которой ехал шахский кортеж, были закрыты, государственная символика отсутствовала. Все это привело в бешенство шаха, который на площади у мавзолея Фатимы Масумэ разразился гневной речью, которую пришлось кардинально редактировать, чтобы опубликовать на следующий день в газетах. Шах буквально обрушился на мулл, назвав их «черными реакционерами», которые не желают понять, что мир изменился,

и что женщины уже не могут терпеть, чтобы к ним относились как к детям и идиотам. Его реформы вводят Иран в «эпоху реактивных самолетов», тогда как муллы хотят оставаться «во временах доисторического человека». Позже, принимая несколько улемов, шах обвинил всех мулл «в содомии и работе агентами британцев» [16, р. 136].

Шах не внял предложению Хомейни, не отправил в отставку Алама, и не отменил референдум, который, как и планировалось, прошел 26 января 1963 г. Согласно официальным обнародованным результатам, за реформы проголосовали 5,5 млн голосовавших из 6,1 млн имевших право голоса [6, р. 242]. Референдум бойкотировался НФ и муллами. Но все равно власти объявили, что 99 % голосовавших поддержали реформы [5, р. 79]. Несмотря на сомнения в чистоте голосования и заявленной явке [4, р. 32], администрация президента Д. Кеннеди незамедлительно отправила шаху поздравительную телеграмму, пожелав шаху и дальше вести народ «по пути прогресса и процветания».

В данных обстоятельствах Хомейни призвал к пассивному сопротивлению в месяц рамадан, начавшийся 28 января, в знак протеста против ареста десятка мулл и критики не исламских действий шаха. С приближением окончания священного месяца рамадан, 26 февраля он наконец выступил с обращением по поводу прошедшего референдума. Угрозы и аресты улемов не испугают и не отменяют решимость защищать и дальше ислам и независимость нации. «Вы действительно верите, что сможете заставить священнослужителей замолчать?» [12, р. 150], вопрошал аятолла Хомейни, обращаясь к властям.

В начале марта Хомейни, при поддержке других улемов Кума, составил декларацию на имя премьер-министра, в которой изложил аргументы антиконституционности действий властей, инициировавших проведение референдума по пакету реформ. По мнению аятоллы, выносимые на референдум реформы не соответствуют и прямо противоречат статьям Конституции. Например, там говорится о праве голоса только для «гражданина», что исключает трактовку термина в смысле «гражданин» [12, р. 144]. Принятие на референдуме реформы о предоставлении права голоса женщинам, аннулирует тем самым Конституцию страны. И развивая логику действия правительства, получается, что и данное правительство, созданное на основании норм Конституции, также аннулируется, так как его деятельность противоречит этой самой Конституции, так же, как и все инициируемые властями страны законопроекты о реформах, вынесенных на референдум! [12, р. 146] Своими непродуманными действиями власти ведут страну к юридическому коллапсу. Спасением может стать только возвращение к законам ислама, где прописываются все стороны

жизнедеятельности и правовой статус женщины [12, р. 147]. По словам Хомейни, «духовенство предвидело все эти инциденты, свидетелями которых вы являетесь сейчас и увидите в будущем, и упоминало о них в своих заявлениях несколько месяцев назад, а теперь они объявляют о все больших и больших опасностях, опасаясь последствий этих скачков для страны, ее независимости, экономики и всех ее дел» [12, р. 148]. В конце декларации выражается надежда на то, что власти страны не будут и дальше идти намеченным курсом, а будут учитывать мнение народа и улемов.

Прямые нападки и обвинения шахской власти в предательстве национальных интересов страны вызвали гнев шахиншаха Мохаммада Реза Шаха, приказавшего силой подавить недовольство в Куме [8, р. 57]. Ситуация осложнялась для властей тем, что на 22 марта выпал день смерти шестого шиитского имама Джафара ас-Сидика, который был убит, став тем самым шахидом, по приказу халифа Харуна ар-Рашида, которому Шахерезада рассказывала на ночь «Сказки тысячи и одной ночи». В Куме намечались массовые мероприятия по поминовению имама, и как опасались власти, они могли вылиться в антиправительственные манифестации. А учитывая святость города в восприятии верующих, туда должны были прибыть тысячи паломников, и это могло привести к дестабилизации ситуации во всей стране.

Главные мероприятия проводились в медресе Файзие, где с проповедью выступал аятолла Гольпаэгани. К полудню огромные толпы стеклись к медресе, и аятолла решил выступить во дворе учебного заведения. Территория всего медресе была оцеплена солдатами, а в толпе оказалось много провокаторов и переодетых полицейских. После того, как проповедь Гольпаэгани стала прерываться выкриками из толпы, начались потасовки, вылившиеся в массовые столкновения с применением ножей, дубинок и палок. Два таллаба были смертельно ранены – Хассан Неджати и Карим Борхан [7, р. 142]. Для разгона толпы и пресечения столкновений были задействованы войска, которые провели «зачистку» территории медресе, а потом и близлежащий студенческий кампус. В ходе штурма более сотни было ранено и более десятка человек было убито [9, р. 81].

Аятолла Хомейни воспринял действия властей как покушение и вызов авторитету улемов в обществе. Сравнение непропорциональной реакции со стороны военных против паломников и таллабов при разгоне в медресе Файзие с жестокостью и насилием в ходе монгольского вторжения в Иран, было не в пользу действующей власти. По словам Хомейни, монголы хотя бы были иноплеменниками и чужеземными завоевателями, которые вторглись в страну с намерени-

ями ее завоевания, ограбления и убийств. Тогда как представители армии и полиции являются гражданами Ирана, но ведут себя по отношению к своим согражданам хуже иностранных завоевателей. В обращении к верующим аятолла Хомейни прямо заявил: «Я объявляю импичмент г-ну Аламу, в настоящее время занимающему пост премьер-министра, от имени нации» [12, р. 175].

В мае месяце ситуация в стране вышла на новый уровень эскалации во взаимоотношениях между шахом и улемами во главе с аятоллой Хомейни. На начало месяца пришелся сороковой день памяти погибших 22 марта в Куме, а конец месяца совпал с началом месяца мухаррам, когда шииты вспоминают гибель праведного имама Хосейна ибн Али в день Ашура.

Аятолла Хомейни 2 мая, когда вспоминали жертв трагедии 22 марта, выступил с речью, посланием и рядом обращений. По его словам, проблема в том, что за действиями солдат и полиции стоял шах, отдавший приказ на применение жестких мер по отношению к паломникам. «Если это правда, мы должны попроситься с исламом, Ираном и законом» [12, р. 193]. Хомейни обращается к главам исламских стран, арабских и не арабских государств, объявляя всем о том, что улемы, народ и армия выражают надежду на солидарность в борьбе против любых связей и соглашений с Израилем – «врагом ислама и Ирана» [12, р. 194]. В данной ситуации мусульманам просто преступно молчать. Хомейни призывает к активным действиям по обнародованию преступных деяний коррумпированного деспотического режима. Необходимо «активизировать массовые акции протеста против шахского режима в форме деклараций и публикаций, чтобы заставить правительство страны принять законные требования народа и улемов» [12, р. 196].

В данном случае надо отметить важный факт, и в этом можно согласиться с выводом Соруша Ирфани [9, р. 82], о существенной эволюции взглядов Хомейни на его отношения к шаху. Практически в обращении от 2 мая, он впервые акцентирует внимание на фигуре шаха, называя его главным виновником в происходящем, тогда как до этого, главным обвиняемыми были правительство страны и лично, премьер-министр.

Особую роль в успехе объявленной борьбы, по версии Хомейни, должны сыграть улемы, которым нужно «проявлять больше беспокойства по поводу ситуации в Иране, избегать любых тайных компромиссов и остерегаться соблазнительных предложений со стороны деспотического режима» [12, р. 227]. А то, что такие опасения у Хомейни были, говорят факты. Действительно, жесткая и оскорбительная позиция шаха по отношению к улемам выявила расхождение в вопросе о дальнейшей борьбе. Некоторые из улемов всерьез рассматривали возможность миграции в Ирак,

куда их приглашал аятолла аль-Хаким. А с другой стороны, была информация о тайных контактах, например, аятоллы Шариатмадари, с представителями шахских властей, в надежде не допустить дальнейшей эскалации и найти компромиссное решение из кризисной ситуации. Положение аятоллы Хомейни было не столь уж однозначным среди улемов, и не все, даже не большинство, поддерживало однозначно жесткую риторику борьбы.

На 24 мая выпало начало месяца мухаррам, когда на десятый день – Ашура – приходятся самые массовые мероприятия поминовения дня гибели праведного имама Хосейна ибн Али. Власти призвали мулл не использовать религиозный праздник в политических целях и докладывать о таких случаях властям. Полиция столицы даже распространила специальную инструкцию по необходимости досконального отслеживания всех подозрительных подрывных элементов по именам для возбуждения против них уголовных дел. Более того, представители САВАК собрали группу проповедников, и с помощью угроз и запугивания сообщили тем, чтобы на своих проповедях в месяц мухаррам они придерживались следующих предосторожностей: 1). Не высказываться против Его Императорского Величества (!) лично; 2). Не говорить об Израиле или о чем-либо, связанном с ним; 3). Не заявлять, что ислам и Коран находятся под угрозой, и не называть государственный строй антиисламским [11, р. 142].

Аятолла Хомейни, в каждый из первых девяти дней мухаррама – с 24 мая по 2 июня 1963 г. – посещал разные мечети и хайяты в Куме, встречаясь с людьми и выступая с проповедями. Везде его приветствовали толпы народа. Того же самого он требовал и от других аятолл, критикуя и осуждая тех, кто стремился, что называется, сгладить острые углы, не нагнетать обстановку и не раздражать лишней раз власти страны. Так, например, 28 мая Хомейни пишет резкое письмо аятолле Ахмаду Хонсари в Тегеран, осуждая его за молчание и отсутствие призыва к верующим сохранять Коран, единство и солидарность. Хомейни требует, что Хонсари «должен пригласить людей к восстанию, чтобы, когда мы прикажем атаковать, они были готовы свергнуть шаха и свергнуть правительство» [12, р. 241]. Улемы и так уже много лет вынуждены молчать и терпеть произвол властей. «Сейчас настал тот день, когда мы должны восстать против нечестивых. Если вы не хотите, чтобы наша исламская страна, наша религия и вера были уничтожены, скажите мне» [12, р. 242].

С приближением дня Ашуры, который пришелся на 3 июня 1963 г, риторика аятоллы Хомейни становилась все более агрессивной и воинственной. В обращении к верующим 30 мая, он призвал их приготовиться умереть. «Настало время для

нас превратить Кум в Кербелу Хоссейна в День «Ашура» и создать вторую Кербелу, которую будут посещать паломники. Нет чести выше, чем быть убитым во имя религии, за Хоссейна и во имя независимости страны» [12, р. 243], взывал к верующим Хомейни.

На день Ашура в Кум стеклись десятки тысяч паломников из разных уголков страны. Вместе с паломниками к городу были стянуты и подразделения военных, а также был усилен полицейский гарнизон Кума. Рано утром, 3 июня, командовавший операцией по блокированию города генерал Мохсен Мобассер, обратился персонально к аятолле Хомейни, и попросил во имя избежание кровопролития, не приходить в медресе Файзие, где он должен был обратиться с большой проповедью к толпам паломников. На что Хомейни сказал: «Если я не пойду, тогда я не Хомейни». Тогда Мобассер призвал его не делать резких заявлений и выпадов против шаха, на что получил загадочный ответ: «Посмотрим» [14, р. 102–103]. После этого генерал попытался припугнуть Хомейни, заверив того в решительных действиях со стороны войск по разгону мероприятия, что, вероятней всего, приведет к жертвам, которые будут на совести аятоллы. На что аятолла спокойно ответил, что они готовы к подобному повороту событий, и это послужит шаху хорошим уроком на будущее [11, р. 143].

Закончив пикировку с генералом, аятолла Хомейни отправился в медресе Файзие. Тысячи людей из Кума и других мест образовали вокруг него коридор, Кум сотрясаясь от их криков «Хомейни, Хомейни». Все прилегающие улочки были также забиты народом, поэтому пришлось сесть в автомобиль, на котором он и приехал с большим трудом к четырем часам по полудни в медресе. Там Хомейни выступил не с минбара, как было принято, а сидя на полу в качестве простого раузэ-хани, особого рассказчика историй о героической и мученической смерти имама Хоссейна и его соратников. Речь, с которой выступил аятолла Хомейни в этот день, стала символическим рубежом, своеобразным Рубиконом, перейдя который, уже нельзя было повернуть события вспять. И речь оказалась судьбоносной не только для самого Хомейни, но и для последующей истории Ирана.

Хомейни начинает свое выступление жестким сравнением времен имама Хоссейна с современностью. Действия Омейядов, направленные на уничтожение семьи имама Али только за то, что они потомки пророка и мусульмане, напоминают действия шахской власти против мусульман только за то, что те пытаются защищать ислам и наследие имама Али. Современный шах – это реинкарнация Йезида ибн Омейя [12, р. 246]. Действия шаха поддерживаются и направляются Израилем. «Он нападает и на нас, и на вас, нацию; он хочет захватить вашу экономику, уничтожить

вашу торговлю и сельское хозяйство и присвоить ваше богатство, оставив эту страну без присмотра». Сейчас власти обвиняют улемов в том, что они паразиты, мешающие развитию страны. По словам аятоллы, паразиты не улемы, а те, «кто открыл счета по всему миру, кто возвел огромные дворцы, кто отказывается оставить эту нацию в покое, и кто продолжает свои попытки наполнить свои собственные карманы и карманы Израиля прибылью» [12, р. 247]. Если нынешний шах продолжит действовать в прежнем русле, он закончит, как и его отец – Реза Шах, уверен Хомейни. Если шах продолжит и дальше поддерживать Израиль и опираться на советников из Израиля, это приведет к распаду монархии в Иране [12, р. 248]. Аятолла призывает шаха одуматься и отказаться от губительной политики. «Ты, беспомощное создание, ты не понимаешь, что в тот день, когда произойдет настоящая вспышка гнева, ни один из этих твоих так называемых друзей не захочет тебя знать. Все они друзья доллара. У них нет ни веры, ни моральных принципов, и у них нет чувства верности» [12, р. 250]. Упорство, демонстрируемое шахом, по мнению Хомейни, может означать только одно, «что шах израильтянин» и «он еврей!» Трагизм ситуации в том, что сам себя он называет мусульманином, но его действия свидетельствуют об обратном, и в этом несчастье и беда для «нашей разрушенной страны» [12, р. 251], уверен Хомейни.

В этот же день, только в первой половине, в Тегеране прошла стотысячная демонстрация под лозунгами «Смерть диктатору» и «Аллах спасет тебя, Хомейни!» [9, р. 45] Также прошли акции в Ширазе, Исфахане и Мешхеде [13, р. 63]. В стране было введено военное положение, на улицах крупных городов появились солдаты и бронетехника. Сотни человек были убиты, еще больше были ранены [12, р. 61]. В столице демонстрации прошли мирно. Только 4 июня были арестованы 122 человека на площади Сепех [14, р. 106].

Когда о событиях в Тегеране стало известно в Куме, это вызвало подъем среди горожан и таллабов, собравшихся у мавзолея Фатимы Масумэ и медресе Файзие, где выступал аятолла Хомейни. После выступления, разгоряченные толпы паломников прошли по центральной улице Кума, выражая свой протест политикой шаха и приветствуя Хомейни. Данные события сделали его известной фигурой как в религиозных, так и в светских кругах оппозиции, который твердо отстаивает свои взгляды на предлагаемые реформы, называя их антиисламскими и антиконституционными. Провал мирного протеста привел к радикализации протеста, что и вылилось в кровавые события 4–5 июня 1963 г. Последовавший арест, а затем и высылка аятоллы Хомейни в ноябре 1964 г. из страны, сделали его убежденным противником монархии и сторонником построения в Иране Исламской республики.

Источники и литература

1. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905 1911 и 1978 1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 240с.
2. Резников А.Б. Иран: падение шахского режима. М.: Политиздат, 1983. 160с.
3. Abrahamian E. Khomeinism: essays on the Islamic Republic. Berkeley: University of California Press, 1993. 188p.
4. Algar, H. A short biography // Imam Khomeini: Life, Thought and Legacy / ed. by A.R. Koya. Petaling Jaya: Islamic Book, 2009. P.19 – 60.
5. Amjad, M. Iran: from royal dictatorship to theocracy. New York: Greenwood Press, 1989. 200 p.
6. Axworthy, M. A history of Iran: empire of the mind. New York: Basic Books, 2010. 376 p.
7. Bakhshāyishī A. Ten decades of ulama's struggle. Tehran: Islamic Propagation Organization, 1985. 287 p.
8. Gordon M. Ayatollah Khomeini. New York: Chelsea House Publishers, 1988. 124 p.
9. Irfani, S. Iran's Islamic revolution: popular liberation or religious dictatorship? London: Zed Books, 1983. 328 p.
10. Keddie N.R., Richard Y. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. Yale University Press, 2006. 420 p.
11. Khomeini, R. Kawthar. An anthology of the speeches of Imam Khomeini, including an account of the events of the Islamic revolution, 1962-1978. In 3 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995. 611 p.
12. Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, mes-sages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. 585p.
13. Martin V. Creating an Islamic state: Khomeini and the making of a new Iran. London; New York: I.B. Tauris, 2003. 264 p.
14. Moin, B. Khomeini: life of the ayatollah. New York: Thomas Dunne Books, 2000. 374p.
15. Pahlavi M.R. Mission for my country. New York: McGraw-Hill, 1961. 362p.
16. Taheri, A. The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic revolution. Bethesda: Adler & Adler, 1986. 349 p.

References

1. Doroshenko E.A. Shiitskoe duhovenstvo v dvuh revolyutsiyah: 1905 1911 i 1978 1979 gg. (The Shiite clergy in two Revolutions: 1905 – 1911 and 1978 – 1979). Moscow: IOS of RAS publ., 1998. 240 p. (In Russian)
2. Reznikov A.B. Iran: padenie shahskogo rezhima (Iran: the fall of the Shah's regime). Moscow: Politizdat, 1983. 160 p. (In Russian)
3. Abrahamian E. Khomeinism: essays on the Islamic Republic. Berkeley: University of California Press, 1993. 188p.
4. Algar, H. A short biography // Imam Khomeini: Life, Thought and Legacy / ed. by A.R. Koya. Petaling Jaya: Islamic Book, 2009. P.19 – 60.
5. Amjad, M. Iran: from royal dictatorship to theocracy. New York: Greenwood Press, 1989. 200 p.
6. Axworthy, M. A history of Iran: empire of the mind. New York: Basic Books, 2010. 376 p.
7. Bakhshāyishī A. Ten decades of ulama's struggle. Tehran: Islamic Propagation Organization, 1985. 287 p.
8. Gordon M. Ayatollah Khomeini. New York: Chelsea House Publishers, 1988. 124 p.
9. Irfani, S. Iran's Islamic revolution: popular liberation or religious dictatorship? London: Zed Books, 1983. 328 p.
10. Keddie N.R., Richard Y. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. Yale University Press, 2006. 420 p.
11. Khomeini, R. Kawthar. An anthology of the speeches of Imam Khomeini, including an account of the events of the Islamic revolution, 1962-1978. In 3 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995. 611 p.
12. Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, mes-sages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. 585p.
13. Martin V. Creating an Islamic state: Khomeini and the making of a new Iran. London; New York: I.B. Tauris, 2003. 264 p.
14. Moin, B. Khomeini: life of the ayatollah. New York: Thomas Dunne Books, 2000. 374p.
15. Pahlavi M.R. Mission for my country. New York: McGraw-Hill, 1961. 362p.
16. Taheri, A. The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic revolution. Bethesda: Adler & Adler, 1986. 349 p.

Сведения об авторе

Баранов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока» / baranovav@mail.ru

Адрес: 410012, д.83, ул. Астраханская, Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Baranov Alexey V. – PhD in History, Associate Professor, Chair of World history, Institute of History and International Relations, Saratov State University / baranovav@mail.ru

The address: 410012, 83, Astrakhanskaya st., Saratov, Russian Federation.